

С. В. КОВАЛЕВСКАЯ: «ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА» И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. Ю. Афанасьева

Томский государственный педагогический университет, Томск

На материале автобиографической повести Софьи Ковалевской и воспоминаний А.-Ш. Леффлер и Софьи Ковалевской (младшей) рассматривается роль внутрисемейной атмосферы для личностного становления Ковалевской, анализируются ключевые моменты формирования ее сложной натуры. Гендерный подход выявляет последовательную инверсию традиционных женских ролей в судьбе Ковалевской: нелюбимой дочери, фиктивной жены и нетипичной матери, женщины-ученого.

Ключевые слова: Софья Ковалевская, воспоминания, детство, Анна-Шарлотта Леффлер, воспитание, гендерные исследования.

Автобиографические «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской впервые были опубликованы в 1889 г. на шведском языке под названием «Из русской жизни. Сестры Раевские». Прислушавшись к совету своих шведских друзей, Софья Ковалевская изменила подлинные имена, используя повествование в третьем лице; главная героиня зовется Таня Раевская. Лишь позднее, в 1891 г., на русском языке в журнале «Вестник Европы» были напечатаны «Воспоминания детства», в которых Ковалевская не только прямо говорит от своего лица, но и размышляет об истоках формирования своего характера.

К моменту издания воспоминаний Ковалевской в русской литературе уже существовал целый ряд автобиографических текстов, написанных женщинами: мемуарно-автобиографическое произведение Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» (1836); «Автобиография» Н. Соханской (1846), представленная в форме писем к Плетневу; «Воспоминания» С. А. Капнист-Скалон (1859) и т. д. Многие из них не были официально опубликованы (за исключением «Кавалерист-девицы» Н. Дуровой). Эти произведения не являются автобиографиями в чистом виде, они представляют скорее «некие гибридные жанровые образования: эпистолярный дневник, дневник-автобиография, автобиография-письмо, автобиография – критический этюд и т. п.» [1, с. 336]. Создавая лирические и автобиографические тексты, женщины-авторы, по мнению Барбары Хельдт, «не вступали в конкурентную борьбу за лучшее и наиболее правильное следование художественным стандартам, а могли свободно искать свой голос и способы самовыражения... Женщины и их сознание не являлись больше в основе своей частью природы или частью общества, они уполномочены были заниматься исследованием себя самих» [2, с. 6].

«Воспоминания детства» С. В. Ковалевской, едва появившись в печати, собрали целый ряд по-

ложительных откликов. Одним из первых был отзыв датского критика Георга Брандеса: «Теперь же, в только что изданной книге... читатели могут познакомиться с этой интересной женщиной, как с живым и чувствующим существом... Таня Раевская не кто иной, как сама Соня Ковалевская, и книга, лежащая перед нами, превосходно написанный отрывок автобиографии, заключающей в себе описание детских лет Ковалевской, проведенных ею в России» [3, с. 241]. Они интересны не только тем, что писала их уже признанная в области точных наук женщина-ученый, но тем, что она пыталась «найти ответ на вопрос, каким образом я стала такой, какова я есть теперь» [1, с. 166].

За 41 год жизни Софья Ковалевская очень многое успела: стала первой женщиной-профессором в Стокгольмском университете, сделала важные открытия в математике, написала ряд литературных произведений... Вместе с тем, несмотря на головокружительный научный успех, она, по словам близкой подруги Анны-Шарлотты Леффлер, в последние годы своей жизни была очень подавлена и несчастна. На первый взгляд, это объясняется личной драмой Ковалевской, ее страстным желанием и одновременно невозможностью создать семью с любящим и духовно близким человеком. С другой стороны, такой мужчина был – юрист и социолог Максим Ковалевский, ее однофамилец. Но проанализировав все обстоятельства ее жизни, ее детство и юность, можно сделать вывод, что то, к чему всей душой стремилась Софья Ковалевская, было невозможно. Она далеко обогнала своих современников не только в науке, но и в нравственном развитии, взглядах на брак и взаимоотношения полов. Ведь ее гендерная идентичность не вписывалась в социокультурные стереотипы того времени. Поэтому особенно важным для Ковалевской стало нахождение ответа на вопросы, почему так сложилась ее судьба, как события ее детства повлияли на формирование ее личности.

В этой связи интересно проанализировать не только автобиографические «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской, но и воспоминания ее подруги А.-Ш. Леффлер, а также воспоминания дочери Ковалевской, что позволяет проследить как истоки формирования ее неординарной личности, так и ее характеристики со стороны очень близких людей.

Любимая няня часто говорила ей, что она нежеланный ребенок. Родители ждали мальчика, а родилась опять девочка: «Они все и приготовили как следует мальчику: и крестик с распятием, и чепчик с голубенькой ленточкой, – ан, нет, вот поди! – родилась опять девочка! Барыня так огорчилась, что и глядеть на нее не хотели, только уж Феденька их потом утешил» [4, с. 12]. Кроме того, перед самым рождением Софьи «барин» так сильно проигрался в Английском клубе, что пришлось закладывать драгоценности жены. Девочке очень хотелось любви, но часто ее останавливали слова няни о том, «будто Анюта и Федя – мамины любимчики, а я же – нелюбимая» [4, с. 7]. Возможно, поэтому у Софьи Ковалевской рано развилось убеждение, что она нелюбимая, и «это отразилось на всем характере» [4, с. 12].

Образ мамы редко появляется на страницах воспоминаний. Мать Ковалевской дистанцирована от воспитательного процесса, не проявляет родительской любви, заботы и внимания. Она очень редко заглядывает в детскую, чаще всего перед отъездом в гости или на бал, веселая и нарядная. «Между нею и отцом была большая разница лет, и отец вплоть до старости продолжал относиться к ней, как к ребенку». В своей семье она часто ведет себя не как взрослый человек, а как «избалованный ребенок» [4, с. 49].

В воспоминаниях вместо единого цельного материнского образа выстраивается ряд женских фигур, в той или иной степени заменяющих мать: старой няни, портнихи Марьи Васильевны, гувернантки мисс Смит. Все эти женщины одиноки и по своему несчастны. Няня не имела собственной семьи, весь смысл своей жизни видела в воспитании господских детей. Портниха Марья Васильевна, потерявшая свою красоту и здоровье, будучи крепостной, став свободной, была очень привязана к семье Корвин-Круковских. Она часто бывала в детской, дети приходили к ней вечерами, и она им пела старинные трогательные романсы. Нереализованную материнскую любовь она направляла на Софью: «выдумывала для меня какие-нибудь маленькие сюрпризы: то принесет мне цветных лоскутков, то сошьет новое платье моей кукле» [4, с. 31].

Гувернантка мисс Смит, по словам Ковалевской, «некрасивая, одинокая, уже немолодая, оставшая от английского общества, но никогда вполне не освоившаяся в России, ... сосредоточила на мне тот запас привязчивости, всю ту потреб-

ность в нравственной собственности, на какую только была способна ее крутая, энергичная, неподатливая натура». Софья «действительно составляла центр и средоточие всех ее мыслей и забот и придавала значение ее жизни; но любовь ее... была тяжелая, ревнивая, взыскательная и без всякой нежности» [4, с. 48]. Все эти женщины, разного возраста и социального статуса, дали Ковалевской образец неудачной женской судьбы.

От старшей сестры Анюты, которая с детства была королевой балов, Софью отличала неловкость, угловатость, некоторая нервозность и пугливость. Она оставалась в тени своей сестры и брата. Но ее острый ум обратил на себя внимание учителей и родственников. В своих воспоминаниях Ковалевская пишет о возможности «присутствовать при уроках сестры», после которых случалось нередко, что Анюта, «большая 14-летняя девочка», не знала заданного урока, а «семилетняя крошка запомнила его и подсказывала его ей с торжеством» [4, с. 40]. Ее социализация и гендерная идентичность формировались через похвалы и признание мужчин (отца, близких родственников – дяди Петра Васильевича и Федора Федоровича), которые отмечали ее любознательность, целеустремленность, нестандартное мышление.

Очень редко Ковалевская в своих воспоминаниях прямо говорит о себе, своей личности. Ее образ выстраивается по крупицам через слова няни, взаимоотношения с сестрой, через образы родственников и прислуги. Она вспоминает себя маленькой девочкой, двух или трех лет от роду, едва умеющей говорить, потом очень нервной и пугливой пятилетней малышкой, тоскующей по матери. Ее нравственное развитие запечатлено автором и определяется через яркие события, происходящие в семье. Так, практически детективная история, связанная с кражей вещей из детской и поиском виновного, интересна своим психологическим подтекстом, размышлениями о страсти и жестокости, наказании и прощении.

На страницах автобиографического текста Софья мало пишет о своих родителях. Не чувствуя любви от матери, она всем сердцем тянется к отцу, пытаясь своими успехами в учебе обратить на себя внимание, заслужить его любовь. Но и отец дистанцирован от детей, «очень скуп на ласки», домочадцы видят его только за обедом [4, с. 44]. Только в периоды болезни детей он меняется, у него появляется «необычайная нежность и мягкость» [4, с. 44]. В воспоминаниях отец Софьи изображен как жесткий, закрытый человек, у которого был свой собственный мир, «в который никто из домашних не допускался» [4, с. 44]. Отец придерживался достаточно шаблонных методов воспитания, не особо пытаясь понять психологию своих

детей. Так, например, сочувствие у читателя воспоминаний вызывает эпизод наказания Софьи. Отец не видит в ней личность и наказывает ее как маленькую, поставив в угол, а потом просто забывает о ней. Даже спустя много лет Ковалевская помнит об этом. Она с болью пишет: «И вот, можете себе представить, мне, большой двенадцатилетней девице, мне, которая за несколько минут перед тем переживала с героиней прочитанного украдкой романа самые сложные психологические драмы, мне приходится пойти и стать в угол, как малому, неразумному ребенку» [4, с. 47]. Она чувствует себя уязвленной не только незаслуженным и унижительным наказанием, которое с усмешкой наблюдает лакей Илья, но, главное, тем, что, увлекшись своими занятиями, отец просто забывает о ней. Анализируя произошедшее много лет назад, она пишет об отце: «Ему и в голову не приходит, какую нравственную пытку перенесла его бедная маленькая девочка за эти полчаса. Он бы, вероятно, сам испугался, если бы мог заглянуть мне в душу. Через несколько минут он, разумеется, совсем забудет об этом неприятном ребяческом эпизоде. А я между тем уйду из его кабинета с чувством такой недетской тоски, такой незаслуженной обиды, как мне, может быть, раза 2–3 приходилось испытывать впоследствии, в самые тяжелые минуты своей жизни» [4, с. 47].

Позднее, выйдя замуж за Владимира Ковалевского и получив докторскую степень, она приезжает в родительский дом. Отец с годами меняется, становится терпимее и мягче, и теперь его с дочерью связывают уже партнерские отношения, он гордится успехами Софьи.

Вместе с тем недостаток родительского внимания и любви не проходит бесследно для Ковалевской. Ее собственный ребенок, единственная дочь Софья, ласково называемая Фуфа, не только страдает от отсутствия материнской и отцовской заботы (ее отец очень рано умер), но и физически лишена присутствия матери в своей жизни. В письмах Ковалевской к родственникам и друзьям всегда приводятся убедительные и веские причины (нестабильное финансовое состояние, необходимость построить ученую карьеру, недостаток времени), но факт остается фактом: ее дочь была с ней только в раннем возрасте, потом до семи лет воспитывалась в семье своего дяди и близкой подруги. Вместе с матерью она провела только пять лет, прожив с нею с семи до двенадцати лет.

Воспоминания дочери С. Ковалевской занимают небольшой объем, всего несколько страниц. Они названы «Воспоминания о матери» и именно так в дальнейшем она называет Софью Ковалевскую: не мама, а мать. Дочь пишет о том, что до семи лет «видела ее большей частью только урыв-

ками, когда она приезжала провести один месяц, или еще меньше, из своих летних каникул у своей приятельницы Юлии Всеволодовны Лермонтовой» [5, с. 360]. Несмотря на людские пересуды, что она пренебрегала своими материнскими обязанностями, Софья Ковалевская забрала ребенка только после того, «как создала себе прочное положение в университете и обставила удовлетворительно свою домашнюю жизнь» [5, с. 361]. Ранее она считала, что не сможет создать ребенку хороших условий.

Ковалевская-младшая пишет, что первое время мать много с ней занималась: «читала мне вслух русские книги, привезенные из России, ходила со мной на уроки гимнастики и на прогулки», учила шведскому языку [5, с. 362]. Потом начался учебный семестр, и времени на Фуфу стало не хватать. Но дочь оправдывает ее: «Но я уже настолько освоилась, что спокойно оставалась без нее как дома, так и в гостях» [5, с. 362]. У Софьи Ковалевской в Швеции было много друзей и знакомых. Среди них была и семья профессора Гюльдена, в семейном кругу которого девочка «стала жить вполне как член семьи во время частых каникулярных отлучек матери» [5, с. 363]. В Швеции Фуфа чаще всего жила в семье Гюльденов, иногда – у Анны-Шарлотты, у четы Миттаг-Леффлеров, один раз оставалась с Эллен Кей.

Хотя в воспоминаниях дочь Ковалевской явно этого не подчеркивает, но приведенные факты свидетельствуют, что из пяти лет в Швеции вместе они были очень мало времени. Мать-ученый была очень поглощена работой, отдыхала она также в кругу своих единомышленников и друзей. Так, будничные прогулки по парку она совершала с коллегой Леффлером и его сестрой, с дочерью только по праздникам. Казалось бы, во время каникул можно было бы более тесно пообщаться с дочерью. Но, как пишет Фуфа в воспоминаниях: «На летние и рождественские каникулы моя мать всегда уезжала во Францию или Германию, я же оставалась в Швеции или у Лермонтовой» [5, с. 364].

Только одно лето они провели вместе, в 1889 г., после получения Софьей Ковалевской премии Бордена. Вместе со знакомыми русскими эмигрантами Ковалевская сняла дачу в старинном и зеленом городе Севре, вблизи Парижа. Там дети эмигрантов, подзабывшие на чужбине родной язык, читали детские книги и восстанавливали русскую речь, много шалили и гуляли на свежем воздухе.

Большое впечатление на Фуфу произвели написанные ее матерью «Воспоминания детства». Дочь пишет, что «гораздо больше гордилась успехами моей матери на литературном поприще, чем на научном». Вспоминая о том времени, она скажет, что «эта книга очень сблизила меня с моей матерью, я стала думать о ней как о много пережившем чело-

веке, а не только как о моей матери, требовавшей от меня исполнения известных обязанностей» [5, с. 367]. Рано повзрослевшая Фуфа узнала, прочитав воспоминания Ковалевской, о ее детских обидах, остром желании родительской любви, об ощущении заброшенности. Возможно, эта книга немного примирила ее с собственным положением неустроенности.

Близкая подруга, А.-Ш. Леффлер, после смерти Ковалевской написала воспоминания о ней. В своей книге Анна-Шарлотта цитирует отрывки из писем современников и друзей Ковалевской, размышляет сама об особенностях характера этой необыкновенной женщины. По ее мнению, сложный характер Софьи не позволял ей чувствовать себя полностью счастливой. Она была очень требовательна к близким людям, «слишком беспокойного нрава, слишком дисгармонична по своей натуре, чтобы на долгое время найти удовлетворение в тихой жизни, полной любви и нежности, о которой она, по-видимому, так страстно мечтала» [6, с. 29].

Размышления Леффлер относительно личности Ковалевской очень интересны. Будучи близкой подругой, она в то же время с недоумением подмечала крайнюю непрактичность Софьи: «Она не могла сама себе купить платья, не могла сама смотреть за своими вещами, не могла сама найти дороги в городе – проживши столько лет в Стокгольме, она умела находить те только улицы, которые вели в высшую школу и к ее ближайшим друзьям, – не могла сама заботиться ни о своих делах, ни о своем домашнем хозяйстве, ни о своей дочери, почему должна была постоянно оставлять ее на чужих руках, – одним словом, она была до такой степени непрактична, что все мелкие заботы жизни казались ей невыносимыми» [6, с. 68]. Достаточно эмансипированная шведская писательница не могла понять этой беспомощности Ковалевской. В некоторых местах ее воспоминаний даже проскальзывают ноты раздражения, когда она пишет о том, что Софье всегда требовался человек, который представлял ее интересы у издателей, доставал нужные рекомендации, встречал на железнодорожной станции, заботился бы о ней. В то же время Леффлер подчеркивает противоречивый характер Софьи, которая с трудом могла выносить «зависимые к другому человеку отношения» [6, с. 68].

Это мнение подруги по поводу личности Ковалевской очень субъективно. Может быть, потому, что Анна-Шарлотта оценивала характер Софьи с позиций своей безмятежной и налаженной жизни с типично шведской обстоятельностью, планированием и рассудочностью. Ей было сложно до конца понять крайне эмоциональную натуру Софьи, которая была обделена любовью с самого детства и потому так страстно искала эти чувства у своих близких.

Занимаясь наукой, она, по свидетельству Леффлер, столько сил и энергии отдавала работе, что завершив ее, ощущала полное опустошение, упадок сил, не чувствовала эмоционального подъема при достижении поставленной цели. «Не то было с ее литературными работами: они доставляли ей всегда величайшую радость и приводили в самое светлое настроение» [6, с. 33].

По мнению Анны-Шарлотты, Ковалевская всегда испытывала острую потребность в единомышленниках, высокоинтеллектуальных людях, увлеченных наукой. Особенно она мечтала о любимом человеке, который мог бы с ней разделить ее устремления. «Совместная работа при любовном союзе между мужчиною и женщиною сделалась для нее идеалом жизни, и она только мечтала о том, как бы встретить человека, который мог бы сделаться ее вторым я в этом именно смысле» [6, с. 75]. Вместе с тем Леффлер пишет, что «ее любовь отличалась тираническим характером: она не допускала, чтобы любимое ею существо имело какие-либо чувства, мысли, желания, направленные не на нее» [6, с. 102].

В своих воспоминаниях Леффлер отмечает, что многие друзья Ковалевской не понимали ее, думая, что больше всего она стремится к удовлетворению своего честолюбия. Только самые близкие друзья осознавали, что ее не настолько волнуют успехи в науке и в обществе. В кругу единомышленников, в своей речи, обращенной к Ковалевской, норвежский писатель Ионас Ли говорил с ней не как со знаменитым ученым, не как с писательницей, а как с маленькой Таней Раевской, которую он научился так горячо любить и к которой относился с такой глубокой симпатией. «Ему было от души жаль этого бедного, жаждавшего любви и нежности ребенка, которого никто не понимал... насколько он мог предугадать, жизнь наделила бедного ребенка всеми возможными дарами, осыпала его почестями и отличиями, отметила успехами все его шаги на разных поприщах деятельности, а между тем маленькая девочка по-прежнему представляется ему стоящей с протянутыми вперед пустыми руками и с умоляющим взглядом больших, широко раскрытых глаз» [6, с. 125].

Воспоминания о Ковалевской, написанные ее дочерью и Леффлер, и собственные размышления о детстве дают возможность заглянуть во внутренний мир этой необыкновенной женщины, помогают увидеть истоки формирования ее сложного характера. Недостаток родительской любви эхом проходит по всей ее жизни. Даже став взрослой, Софья Ковалевская очень часто чувствует себя беззащитной девочкой, которая страстно желает, чтобы ее любили. Ей необходимо видеть рядом человека, который бы полностью понимал ее, говорил на одном с ней языке и безгранично любил. В то

же время она не видит себя только женой и матерью. Для Ковалевской очень важны занятия наукой, литературой, собственное саморазвитие и общественное признание.

К сожалению, на протяжении всей жизни она не смогла найти свой идеал мужчины. Даже Максим Ковалевский, с которым она чувствовала себя счастливой, придерживался патриархатной модели семьи, считая, что жена не должна ночами сидеть за научными занятиями. Поэтому, несмотря на значительные научные достижения и научное признание, она ощущала себя несчастной и опустошенной, и в последние годы ей чудились предвестники смерти. В 1891 г. небольшая простуда, перешедшая в воспаление легких, потом неточный диагноз и неправильное лечение врачей за несколько дней унесли ее жизнь.

Софья Ковалевская прожила очень недолгую, но яркую жизнь. Вся ее молодость прошла в борьбе: за возможность заниматься наукой, учиться и преподавать в университете. Она пыталась доказать своим современникам, что биологический пол не определяет умственные способности человека, что женщина-ученый способна сделать научные открытия, над разрешением которых бились лучшие мужские умы. Ее литературное наследие очень невелико, многое осталось только в набросках, но даже то, что дошло до потомков, позволяет приоткрыть завесу над тайнами ее сложного внутреннего мира. Ее воспоминания, хотя и не завершенные, представляют интересный материал для гендерных исследований женских текстов, интерес к которым не ослабевает и в XXI веке [7–9].

Список литературы

1. Савкина И. «Пишу себя...» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половине XIX века. Тампере, 2001. 360 с.
2. Heldt Monter Barbara Terrible Perfection. Women and Russian Litrrature. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. 167 p.
3. Брандес Г. Софья Ковалевская // Собр. соч. Киев, 1902. Т. 1. 260 с.
4. Ковалевская С. В. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1989. 304 с.
5. Ковалевская С. (младшая). Воспоминания о матери // Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1951. 576 с.
6. Леффлер А.-Ш. Софья Ковалевская. Ижевск, 2000. 140 с.
7. Гончарова О. М. Русская женщина 1860-х в «зеркале» идей и литературы // Культура и текст. 2012. № 1 (13). С. 44–53.
8. Бурмистрова С. В. Образ Франции в воспоминаниях П. Е. Анненковой // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 3 (168). С. 116–120.
9. Филюшкина С. Н. Софья Ковалевская в повести Элис Манро «Слишком много счастья» // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2015. № 4 (49). С. 123–142.

Афанасьева Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: uua@list.ru

Материал поступил в редакцию 27.02.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-144-149

S. V. KOVALEVSKAYA: «THE CHILDHOOD MEMORIES» AND IDENTITY CRISIS

Yu. Yu. Afanasjeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article deals with the study of the background of a unique female character formation, based on Sofia Kovalevskaya's autobiographical story and A.-Sh. Leffler and Sofia Kovalevskaya's (the younger) memories. The gender approach reveals a consistent inversion of traditional female roles in the fate of Kovalevskaya: unloved daughter, fictitious wife and nontypical mother, female scientist. For the analysis were taken the following works: the literary autobiography of Sofia Kovalevskaya «The Childhood Memories», the book «Sofia Kovalevskaya» by Anne Charlotte Leffler and the work «The Memories of Mother» by S. Kovalevskaya (the younger). S.V. Kovalevskaya's «The Childhood Memories» reflects the first thirteen years of her life. The article deals with the role of family atmosphere in little Sonya's personality development: the attitude of her mother, father, sister, governess, male relatives to her. Through childhood events both awareness of herself as an «unloved» daughter and at the same time a desire to prove that she is worth being loved and respected can be traced. Analyzes the key moments of Kovalevskaya's complex nature formation: on the one hand - very motivated and hard-working, on the other hand - emotionally immature, vulnerable and childish.

Key words: *Sofia Kovalevskaya, memories, childhood, Anne Charlotte Leffler, education, gender studies.*

References

1. Savkina I. "Pishu sebya..." *Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [«I write myself ...» Autodocumentary women's texts in Russian literature of the first half of the XIX century]. Tampere, 2001. 360 p. (in Russian).
2. Heldt Monter B. *Terrible Perfection. Women and Russian Literature*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1987. 167 p.
3. Brandes G. *Sofiya Kovalevskaya. Sobr. soch.* [Sofia Kovalevskaya. Collected works]. Kyiv, 1902. Vol. 1. 260 p. (in Russian).
4. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya detstva. Nigilistka* [Childhood memories. Nihilist]. Moscow, 1989. 304 p. (in Russian).
5. Kovalevskaya S. (mladshaya). *Vospominaniya o materi* [Memories of Mother]. *Kovalevskay S. V. Vospominaniya i pis'ma* [Kovalevskaya S. V. Recollections and Letters]. Moscow, 1951. 576 p. (in Russian).
6. Leffler A.-Sh. *Sofia Kovalevskaya*. Izhevsk, 2000. 140 p. (in Russian).
7. Goncharova O. M. *Russkaya zhenshchina 1860-kh v "zerkale" idey i literatury* [Russian woman of the 1860s through the prism of ideas and literature]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*, 2012, no. 1 (13), p. 44–53 (in Russian).
8. Burmistrova S. V. *Obraz Frantsii v vospominaniyakh P. E. Annenkovoy* [The image of France in "Memoirs" of P. E. Annenkov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, no. 3 (168), p. 116–120 (in Russian).
9. Filyushkina S. N. *Sofia Kovalevskaya v povesti Elis Manro "Sliskom mnogo schast'ya"* [Sophia Kovalevsky depicted in Alice Munro's story "Too Much Happiness"]. *Vestnik Ryazanskogo universiteta im. S. A. Esenina – The Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2015, no. 4 (49), pp. 123–142 (in Russian).

Afanas'jeva Yu. Yu., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: uua@list.ru